

с. 1.

Изъ дневника публициста.

LXIV.

Нашъ народъ у Чехова.

Для полной характеристики Аксиньи намъ необходимо вернуться къ концу повѣсти и вспомнить ея отношеніе къ свекру и Липѣ. Перваго она окончательно, что называется, свела на-пѣтъ, обезличила, сдѣлала какъ-то приживаломъ въ его собственномъ домѣ, вторую выгнала вонъ.

Въ селѣ всѣ говорятъ про Аксинью, что она забрала большую силу: и правда, когда утромъ она ѣдетъ къ себѣ на заводъ (кирпичный, выстроенный на земельномъ участкѣ, освобожденномъ за смертью младевца Липы) съ наивной улыбкой, красивая, счастливая и когда потомъ распоряжается на заводѣ, то чувствуется въ ней большая сила. Ея всѣ боятся и дома, и въ селѣ, и на заводѣ. Когда она приходитъ на почту, то начальникъ почтового отдѣленія вскакиваетъ и говорить ей:

— Покорнѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна.

Одинъ помѣщикъ, щеголь, въ поддевку изъ тонкаго сукна и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, уже пожилой какъ-то продавая ей лошадь, такъ увлекался разговоромъ съ ней, что уступилъ ей, сколько она пожелала. Онъ долго держалъ ее за руку и, глядя ей въ веселые, лукавые, наивные глаза говорилъ:

— Для такой женщины, какъ вы, Ксенія Абрамовна, я готовъ сдѣлать всякое удовольствіе. Только скажите, когда мы можемъ увидѣться, чтобы вамъ никто не помѣшалъ?

— Да когда вамъ угодно.

И послѣ этого пожилой щеголь заѣзжаетъ въ лавочку почти каждый день, чтобы выпить пива. А пиво ужасное, горькое, какъ полынь. Помѣщикъ мотаетъ головой, но пьетъ.

Эта небольшая выдержка такъ характерна, что врядъ-ли требуетъ комментарій... Вотъ ягоды, тѣхъ пѣточковъ, вотъ плоды тѣхъ сѣмянъ, какія посажены въ деревенскомъ саду нищеты, мрака и убожества!.. Вотъ сила, передъ которой склоняется даже и не мужикъ... И это не плетъ, ни дубина, ни Салтычиха, а ласко-

ванъ рука энергичной, богатой, красивой женщины, какъ бы шутя забравшей въ свои лапы всю округу...

Совершенную противоположность, Аксинья мы видимъ въ Липѣ.

Это была дѣвушка худенькая, блѣдная, съ тощими, нѣжными чертами, смуглая отъ работы на воздухѣ; грустная, робкая улыбка не сходила у нея съ лица, а глаза смотрѣли по-дѣтски — доверчиво и съ любопытствомъ. На смотривалъ, устроенныхъ передъ свадьбой ея съ Ависимомъ, она стояла у двери и какъ бы хотѣла сказать: „дѣлайте со мной, что хотите: я вамъ вѣрю“. Во время свадебнаго першества она сидѣла окаменѣлая, все съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ и въ церкви, какъ будто она только что очулась отъ обморока. Черезъ пять дней послѣ свадьбы мужу ея нужно было ѣхать надолго въ городъ; всѣ провожали его; Липа стояла на крыльцѣ неподвижно и смотрѣла въ сторону, точно вышла не провожать, а невѣжество зачѣмъ...

Вскорѣ послѣ отъѣзда мужа Липа вышла со старикомъ плотникомъ Костылемъ, возвращаясь съ богомолья, вотъ что, между прочимъ, рассказывала ему:

— „Я, Илья Макарычъ, до варенья очень охотница. Сяду въ уголѣ и все чай пью съ вареньемъ. Или съ Варварой Николаевной виѣсть ѣдемъ, а онѣ что-нибудь рассказываютъ чувствительное. У нихъ варенья много — четыре банки. „Кушай, говорятъ, Лена, не сомнѣвайся“. Богато живутъ! Чай съ бѣлой булкой, и говядины тоже сколько хочешь. Богато живутъ, только страшно у нихъ, Илья Макарычъ И—и, какъ страшно!

— Чего жъ тебѣ страшно, дѣточка? — спросилъ Костылъ и оглянулся.

— Первое, какъ свадьбу сыграли, Ависима Григорыча боялась. Они ничего, не обижали, а только пойдутъ ко мнѣ близко такъ, такъ во всей во мнѣ морозъ, во всѣхъ косточкахъ. И ни одной ноченки я не спала, все тряслась в Бога молила. А теперь Аксинья боится, Илья Макарычъ. Она ничего, все утѣшается, а только часомъ изливаетъ въ окошко, а глаза у ней такіе сердитые и горятъ, зеленые, словно въ хлѣву у овцы!...

Когда происходилъ ночной разговоръ Цыбукина къ Аксиньѣ о фальшивыхъ деньгахъ, то слышавшая его Липа не шла ничего большаго сказать лежачей съ ней рядомъ матери, какъ:

— „И зачѣмъ ты отдава вѣкъ сюда на,

менька!.

Варвара Николаевна сидит и ожидает возвращения изъ города старика-мужа. Въ соседней комнатѣ Липа играетъ со своимъ ребенкомъ. Она подбрасываетъ его на рукахъ и говоритъ въ восхищеніи:

— „Ты вырастешь большой,—большой! Будешь ты мужикъ, выйдѣшь на поденку пойдемъ! На поденку пойдемъ!“

— Ну-у,—обидѣлась Варвара. Какую танъ еще поденку выдумала, глупенькая? Онъ у насъ купецъ будетъ.

Липа зашла тихо, но, немного погодя забылась и опять:

— Вырастѣшь, больш-ой, большой! Мужикъ будешь, выйдѣшь на поденку пойдемъ!

— Ну-у! Заладила.

Липа съ Никифоромъ остановилась въ дверяхъ и спросила:

— Маменька, отчего я его такъ люблю? отчего я его такъ жалю? Кто онъ? Какой онъ изъ себя? Легкій какъ перышко, какъ крошечка, а люблю его, люблю, какъ настоящаго человѣка! Вотъ онъ ничего не можетъ, не говоритъ, а я все понимаю, чего онъ своими глазенками желаетъ“...

Когда Аксиныя на глазахъ Липы обвѣрила ея сыва—послышался крикъ, какого никогда еще не слышали въ Уклеевѣ, и не вѣрилось, что такое небольшое слабое существо, какъ Липа, можетъ такъ кричать...

Я умышленно, читатель, вагромоздиль подрядъ нѣсколько выдержекъ изъ повѣсти, характеризующихъ Липу въ разные моменты. Теперь въ нихъ нетрудно разобратъся.

Прежде всего вы видите, что Липа—совершеннѣйшій антиподъ Аксиныи уже своимъ крайнимъ, подчасъ даже, если хотите, возмутительнымъ смиреніемъ и подчиненіемъ всему окружающему. Она не только на смотрахъ, но всю свою жизнь готова, кажется, повторять: „дѣлайте со мной, что хотите, я вамъ вѣрю!..“ И ова дѣйствительно вѣрила во внутреннюю порядочность окружающихъ вообще, хотя в боялась нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ - то инстинктивно сторонилась ихъ. Дѣвушки ея положенія привыкають и испытываютъ гораздо худшее... Безприданница въ богатомъ домѣ, бывшая до самаго послѣдняго дня поденщицей, должна быть тише воды, ниже травы, и такъ какъ, несомнѣнно, ее берутъ только за тѣло, то должна и предоставлять свое тѣло въ полное распоряженіе мужа,—въ противномъ случаѣ, брань, ругавъ, кулаки, полѣнья... Ничего подоб-

наго отъ Анисима она не видѣла и потому, вполне понятно, какъ-то издали его разглядывала... Цыбукинъ ласковъ, семуенъ—обыкновенно-же это деспотъ или по-блажнникъ любима-сына. Тутъ нѣтъ и этого. Опять недоверіе. Аксиныю же она инстинктивно боится съсамаго начала, потому что ея чуткое сердце понимаетъ нутро этой женщины, и ова относится къ ней именно, какъ къ выглядывающей изъ ржи гадюкѣ... Весь цыбукинскій міръ коробять ее: она видитъ, что попала въ какую-то нравственную низину, въ оврагъ и только съ Варварой отводитъ наполовину душу, дѣтски наждаясь вареньемъ... Какой она свѣтлый ребенокъ, когда рассказываетъ Костылю объ этомъ варенномъ богатствѣ!.. Сколько въ ней простоты, чистоты и непосредственности!!.

Такъ текли ея дни, пока она не узнала что у свекра есть фальшивыя деньги... Тутъ ея покорность судьбѣ какъ - бы на моментъ прерывается, и она въ отчаяніи, съ душевнымъ стономъ протестуетъ спрашивая мать, зачѣмъ та отдала ее сюда... Но этимъ она только и ограничивается... Затѣмъ появляется ребенокъ, в чистая душа Липы забываетъ обо всемъ... Онъ, только онъ теперь для нея на свѣтѣ, только о немъ ова и думаетъ, только съ нимъ и дѣлится, можетъ быть, скрытой отъ всѣхъ слезой... И въ разговорѣ со спеленатымъ младенцемъ она строитъ свое а его будущее вновь на поденщицѣ, дружной, совѣстной поденщицѣ, подчеркивая этимъ невозможность продолжительной нравственной сдѣлки съ богатымъ цыбукинскимъ міромъ... Нѣтъ, ей какъ яташкѣ, хоть и сухъ ломоть, но свой, свободный, главное—честный, трудовой... И это убѣжденіе, еще столь сильное въ народѣ, прекрасно выражено авторомъ въ словахъ Костыля, рассказывающаго свое столкновение съ мѣстнымъ фабрикантомъ Костюковымъ.

— „Много, говорить, тесу пошло на карнизы“... „Какъ много? Сколько надо было, Василій Давылычъ, столько, говорю, и пошло. Я его съ кашей не ѣлъ, тесъ-то“. „Какъ, говорить, ты можешь мнѣ такіа слова? Болвалъ, такой, сякой. Не забывайся. Я, кричить, тебя подрядчикомъ сдѣлалъ!“... „Эка, говорю, невидаль. Когда, говорю, не былъ въ подрядчикахъ, все равно, говорю, каждый день чай пилъ“... „Всѣ, говорить, вы жулики“. Я смолчалъ... „Мы на этомъ свѣтѣ жулики, думаю, а вы на томъ свѣтѣ будете жулики“. Хо-хо-хо! На другой день отмякъ. „Ты говорить, на не-

ня не гнѣвайся, Макарычъ, за мои слова. Ежели, говорить, я что лишнее, такъ, вѣдь, и то сказать, я купецъ первой гильдіи, старше тебя—ты смолчать долженъ. „Вы, говорю, купецъ первой гильдіи, а я плотникъ, это правильно. И святой Іосифъ, говорю, былъ плотникъ. Дѣло наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вамъ угодно быть старше, то сдѣлайте милость, Василий Данилычъ“. А потомъ, послѣ этого, значить, разговора, я и думаю: кто-же старше? Купецъ первой гильдіи или плотникъ? Стало быть, плотникъ... Костыль подумалъ и добавилъ: „Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше“...

Это совершенно совпадаетъ и съ убѣжденіемъ Липы, это ея мысль и только выражена столь похожимъ на нее по внутреннему складу Костылемъ... Когда сынъ ея умеръ, она съ легкимъ сердцемъ оставила домъ Цыбукиныхъ и снова житье съ матерью стала терпѣть, трудиться в, следовательно, чувствовать себя старше... И она чувствуетъ—это, ясно изъ ея расположения духа.

„Шла бабы и дѣвки толпой со ставницъ, гдѣ онѣ нагружали вагоны кирпичемъ; и носы, и щеки подъ глазами у нихъ были покрыты красной кирпичной пылью. Онѣ пѣли. Впередъ ехала шла Липа и пѣла тонкимъ голосомъ и заливалась, глядя вверхъ на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился, и можно отдохнуть. Въ толпѣ была ея мать, поденщица Прасковья, которая шла съ узелкомъ въ рукѣ и, какъ всегда, тяжело дышала.

— Здравствуй, Макарычъ! — сказали Липа, увидѣвъ Костыля. Здравствуй, голубчикъ!

— Здравствуй, Липынька! — обрадовался Костыль. Бабочки, дѣвочки, полюбите богатаго плотника. Хо-хо-хо! — Дѣточки мои, дѣточки! Костыль вскрикнулъ. Топорики мои любезные!

Костыль и Яковъ (школьный сторожъ) пошли дальше, и было слышно, какъ они разговаривали. Вотъ послѣ нихъ встрѣтился толпѣ старикъ Цыбукинъ, и стало вдругъ тихо, тихо. Липа и Прасковья немнѣжно отстали в, когда старикъ поравнялся съ ними, Липа поклонилась низко и сказала:

— Здравствуйте, Гавгорій Петровичъ.

И мать тоже поклонилась. Старикъ остановился в, ничего не говоря, смотрѣлъ на обѣихъ: губы у него дрожали, и глаза были полны слезъ. Липа достала изъ узелка у матери ну-

сокъ пирога съ кашей и подали ему. Онъ взялъ и сталъ ѣсть. Солнце уже совсемъ зашло. Олесаъ его потясъ и вверху, на дорожѣ. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потомъ крестились...

Да, Липа была весела, была настолько въ отставкѣ труда, въ своей тарелкѣ, что изъ робкой, прячущейся стала передней, заигрывавшей... И какъ разъ въ эту минуту, въ минуту такого подъема своего духа она встрѣчаетъ старика Цыбукина, вотъ уже третья день, во слонахъ Якова, голодающаго въ своемъ богатомъ домѣ, въ жирной кухнѣ Аксиньи... Какое на-стерское противоположеніе в какъ просто оно задумано талантомъ Чехова! Въ немъ что ни слово, то глубокая мысль. Самая краткость сцены встрѣчи в пода-номъ пирога, поразительно глубока. Вся оставленный Цыбукинъ такъ искренно плачетъ, встрѣчая участіе в доброе слово со стороны оставившей его хищный домъ Липы! Тутъ Липа вся, больше доиспытъ изъ ея характеристикъ нечего...

Теперь намъ остается рассмотреть Варвару и сдѣлать кое-какія общія замечанія; но, имѣя въ виду ошты-така всто, и долженъ все это отложить до слѣдующей главы.

Теперь только мы можемъ уже установить довольно моральнѣйшій для вселогіи нашей деревни фактъ ужасливости и совѣстнаго существованія такихъ двухъ совершенно противоположныхъ понятій, какъ, съ одной стороны—такая формула: „кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше“, а съ другой:—„кто къ чужу при-ставленъ“. Первая возвышаетъ людей честныхъ, трудолюбивыхъ, выносящихъ на своихъ плечахъ окружающую всеарамедливостъ, неправду, все это претерпѣвающихъ. Вторая оправдываетъ образъ дѣйствій кулаковъ и всяческихъ народ-ныхъ пражимателей...

И когда вы пробуете суммировать всѣ впечатлѣнія, которыя получаете отъ знакомства съ Цыбукинымъ, Аксиньей, Липой и Костылемъ, то невольно прохо-дите къ разному раздѣленію этихъ людей, на хищныхъ, разрушающихъ и творящихъ, совпадающихъ народное благосостояніе въ его умственаомъ, нравственномъ и эконо-мическомъ отношеніяхъ. Но это еще не вся деревня, и закончимъ мы ея характе-ристичку будущій разъ.

Ленин.